

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ, т. СХХ

ПАМЯТИ
МИХАИЛА СТЕПАНОВИЧА
АНДРЕЕВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
по истории и филологии
народов Средней Азии

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
СТАЛИНАБАД
1960

О. А. СУХАРЕВА

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТОВ У ТАДЖИКОВ И УЗБЕКОВ

Одной из характерных черт феодального общества является сохранение в производстве, общественном строе, идеологии многих весьма архаических пережитков, восходящих к ранним этапам истории, зародившихся нередко в условиях первобытного общества. В Средней Азии такие пережитки не успели исчезнуть вплоть до Октябрьской революции и хорошо поддаются изучению по этнографическим данным.

К наиболее архаическим следует отнести пережитки, опирающиеся на религиозные представления — не только ислама, но и других более древних религий. Такие пережитки бытовали и в производственной деятельности, в частности в ремесле, где они получили характер более или менее стройной системы представлений.

Среди отдельных профессиональных групп, преимущественно городского населения, эти представления приняли форму развитого культа, который поддерживался цеховым строем. В профессиональных культах, наряду с чертами, порожденными классовыми отношениями феодального общества, и идеями, порожденными исламом, сохранялись и развивались некоторые идеи, возникшие в глубокой древности. Их анализ и составляет главную задачу настоящей статьи.

Несмотря на то, что в общих чертах профессиональные, главным образом ремесленные, культы упоминались в литературе уже давно, но они до сих пор почти не подвергались исследованию. Лишь небольшая, но чрезвычайно интересная статья М. С. Андреева посвящена тому же вопросу, что и настоящая работа. С основными выводами, к которым пришел М. С. Андреев, нельзя не согласиться: им подмечен и показан на конкретных примерах процесс исламизации древних верований, в том числе и тех, которые условно названы нами профессиональными культами.¹

В настоящей статье автор хотел бы обобщить сведения, скопившиеся у него в результате изучения, с одной стороны, различных видов ремесла (Самарканд, Ургут, Бухара, 1939—1956 гг.) и женского домашнего промысла—вышивания (Самарканд, Бухара, 1934—1941 гг.), а с другой — знахарства и пережиточных древних культов (Самарканд,

¹ М. С. Андреев, По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских цехов и цеховых сказаний (рисоля), «Этнография», 1927, № 2 (В дальнейшем: По поводу процесса образования среднеазиатских цехов...).

Ура-Тюбе, 1928—1940 гг.), служители которых также рассматривали свою деятельность как профессию (касм).

Известно, что происхождение различных профессий, по существовавшему у оседлых народов Средней Азии представлению, приписывалось сверхъестественным силам. Под влиянием ислама в роли основателей профессии, в особенности ремесел, чаще всего выступают библейские или мусульманские святые, которым ремесло и его первые орудия были якобы ниспосланы аллахом через архангела Гавриила. Известным «святим», нередко суфиям, приписывались различные дальнейшие усовершенствования в ремесле и изобретения, которые знаменовали собой этапы технического прогресса.

Предания о происхождении различных профессий, как известно, имелись в письменном виде, представляя собой рукописные или литографированные книжечки, так называемые рисоля. Их изучение было начато давно: первые тексты были опубликованы еще в начале этого века М. Ф. Гавриловым.¹ Позже им было издано специальное исследование, в котором он касается и рисоля, но не анализирует их идейного содержания.² О рисоля, также не касаясь содержащихся в них идей, писали и многие другие авторы.³ Как нам кажется, вряд ли правильно сближать рисоля со статутами ремесленников средневековой Западной Европы — между теми и другими, пожалуй, больше различий, чем сходства. Рисоля содержат в себе очень мало элементов какой-либо регламентации производства или отношений между различными слоями ремесленников, что составляет необходимую черту статутов. Однако соблазна такого сближения не избежал и М. Ф. Гаврилов, хотя он правильно отметил религиозный характер рисоля.⁴

В том виде, в каком этот источник дошел до нас, рисоля следует скорее считать «священной историей ремесла». Основу рисоля составляют мифы о происхождении отдельных ремесел и «история» различных усовершенствований в них, приписываемых различным святым. В рисоля содержатся молитвы и коранические стихи, которые предписывается читать при выполнении той или иной операции. Только в связи с этими предписаниями в рисоля упоминаются отдельные трудовые процессы. Упоминая об ученичестве, рисоля говорят преимущественно о религиозном воспитании ученика.

Почти во всех рисоля мы встречаем изложение общих положений ислама — в оформлении рисоля явственно чувствуется ревностная рука служителей этой религии. Возможно, такой характер рисоля приняли в результате длительной переработки.

Мы не знаем пока древних списков рисоля. Дошедшие до нас рукописи и литографированные издания, несомненно, являются позднейшими редакциями, вероятно, значительно изменившими старый текст. Направление изменений ясно: это, как отметил М. С. Андреев, все большая исламизация, насыщение рисоля кораническими стихами, все большее отдаление от производственных моментов. Эта тенденция в одних вариантах рисоля выражается слабее, в других — сильнее. Особенно

¹ М. Ф. Гаврилов, Рисоля сартовских ремесленников, Ташкент, 1912.

² М. Ф. Гаврилов, О ремесленных цехах в Средней Азии и их статутах рисоля, Изв. Среднеазиатск. комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы, в. III, Ташкент, 1928.

³ П. Комаров, Несколько слов о «рисолях», «Туркестанские ведомости», 1901, № 45; А. Н. Самойлович, Туркестанский устав-рисоля цеха артистов, 1927.

⁴ М. Ф. Гаврилов, О ремесленных цехах в Средней Азии и их статутах — рисоля.

сильна она в литографированных текстах. При подготовке их к изданию редакторы постарались придать им благочестивый характер, вложить в них некоторые элементы мусульманского катехизиса и обеспечить ремесленников огромным запасом стихов из корана.

Наряду с письменными мифами о происхождении и эволюции профессий, имелись и устные — их и сейчас еще помнят многие пожилые ремесленники. Хотя эти устные сказания, несомненно, в основном являются пересказами письменных текстов, все же запись и изучение их представляют определенный интерес: в них гораздо менее ощутимо влияние ислама, наличествуют многие весьма своеобразные детали (источники которых не всегда ясны).

У ткачей, например, имелись устные предания о происхождении главного патрона ремесла пророка Шиша (Шиши-наби) из семени Адама, без участия Евы, предания о патроне всех халфа, каковым считали Бурха (хазрати Бурх сармасти вали). Кроме того, в каждом ремесле что-нибудь из усовершенствований (какое-нибудь маленькое, но остроумное приспособление) приписывалось шайтану, почему считалось, что и он тоже имеет право на какую-то часть дохода от ремесла. Только в устной передаче мы находим некоторые мифы, не известные нам пока в письменном виде.

Следует полагать, что источником наиболее древних рисоля, по образцу которых создавались все остальные, были древние мифы, по своему характеру близкие к имевшим универсальный характер мифам о «культурных героях», научивших людей покорять себе силы природы и использовать их.

Мифические персонажи, которым приписывалось обучение людей той или иной древней профессии, в исходной, до нас не дошедшей и, следует предполагать, устной редакции древнейших мифов, конечно, не были мусульманскими и библейскими святыми. Последние, в соответствии с обстоятельствами их биографий, чаще всего основанных на заимствованных исламом библейских мифах, заместили собой каких-то древних традиционных персонажей. Так, в роли покровителя и начинателя земледелия выступает то Адам, то «Дед-земледелец», — «Бобойи дехкон». Последний почитался во многих глухих местах, где влияние ислама было слабее. По свидетельству М. С. Андреева, «Дед-земледелец» почитался у таджиков «в городах и на равнинах», к нему обращались с молитвами, ему приносили жертвы.¹ Этот древний патрон земледелия, вероятно, генетически связанный с патриархальным культом предков, в рисоля земледелцев заменен библейско-мусульманским образом праотца Адама.²

Аналогичек образу «Деда-земледельца» и образ патрона сапожников — «Деда сшивателя кусков» — «Бобойи порадуз».³

Насколько древнее происхождение могут иметь некоторые образы, трансформировавшиеся в святых патронов средневековых профессий,

¹ М. С. Андреев, По поводу процесса образования среднеазиатских цехов..., стр. 324; Он же, Отчет об экспедиции в Ягноб в 1927 г., Бюлл. САГУ, 1928, № 17, стр. 167.

² Об исламизации культа патрона земледелия говорит и М. С. Андреев, в статье «По поводу процесса образования среднеазиатских цехов...», стр. 324.

³ В Бухаре известен мазар Бобой Порадуз, находящийся за воротами Салыхона. Он упомянут в средневековом путеводителе по бухарским мазарам начала XVI в., известном под названием «Книга Мулло-зода» *کتابى ملا زاده* (Каганская литография), *مرغوبه نادره پسنديده زائران مسمى بملا زاده* (стр. 14; см. О. А. Сухарева, К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958, стр. 17, план г. Бухары).

можно судить по имени патрона мясников—«Джонмарди-кассоб», которое (в форме Джумарт) сближалось в литературе с Гайомардом зороастрийских источников.¹

Еще более глубокие исторические корни имеют образы покровительниц женских профессий, выступающих то в виде многоликих «прабабок»—«момохо», то в виде покровительниц пряж—«Белой богини»—«Девы Сафид»² или «Госпожи Вторник»—«Биби-Сешамби», представляющихся в народных верованиях в образе старухи, одетой в белое.³ Эти древние божества также начали вытесняться образами мусульманских святых—праматери Евы или Фатимы.⁴

Культ патрона играл важнейшую роль в пережиточных представлениях, в том числе и в профессиональных культах ремесленников.

По имевшемуся представлению, лишь помощь пира дает ремесленнику необходимую ему силу и ловкость, позволяет овладевать сложными техническими приемами. Ремесленники нередко далеко не полно понимали истинное существо употребляемых ими приемов. Эти приемы, осваиваясь многократным повторением обычному еще в детском возрасте, становились механическими, почти не контролируемые вниманием. Вязчик ремиз, например, не мог объяснить, как успевает он неуловимым движением левой руки подхватывать одну, и именно ту, которую нужно, нить из сотен нитей основы. Красильщик пряжи, набойщик не понимали эмпирически освоенных ими химических реакций. И когда на протравленных квасцами участках ткани появлялся при кипячении в отваре марены яркий красный цвет, в то время как соседние участки оставались белыми — это казалось набойщику чудом, повседневно совершаемым им самим силой покровительствующего ему патрона ремесла, совершившего когда-то это чудо впервые.

Лощильщики отбивали ткани тяжелыми (до 16 кг) деревянными молотками, работая ими попеременно то правой, то левой рукой. Выработанные многолетней практикой навыки позволяли им затрачивать минимум мускульных усилий на поднимание молотка — они использовали его упругость и ловко регулировали его отскакивание от деревянной подушки, укрепленной на лощильном камне. Но самим ремесленником это явление толковалось иначе. Вот что сказал по этому поводу один мастер-лощильщик из сел. Ургут: «Я человек хилый и слабый, а могу отбивать ткани тяжелым лощильным молотком, весящим 16 килограммов, по четырнадцать часов в сутки — так я работал многие годы до революции. Мой брат гораздо сильнее меня и тоже умеет отбивать — но он не выдерживает и трех—четырёх часов работы. А все это потому, что я — лощильщик, получивший посвящение, а он — ткач. Мне помогает в работе мой пир — святой Али. Это он движет моей рукой, поднимает тяжелый лощильный молоток — разве я сам мог бы так легко работать им?».

В связи с таким пониманием результатов своего труда следует рассматривать и появление в рисоля коранических стихов. Как явствует из их назначения—содействовать выполнению определенных трудовых операций, они заместили собой древние заговоры, приняв на себя их

¹ Ю. В. Кнорозов, Мазар Шамун-наби (некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса), «Сов. этногр.», 1949, № 2, стр. 91.

² М. С. Андреев, Среднеазиатская версия Золушки (Сандрильоны). Св. Параскева-Пятница. Див-и Сафид, в кн. По Таджикистану, Ташкент, 1927, стр. 73.

³ Там же, стр. 60.

⁴ Там же, стр. 74; он же. По поводу процесса образования среднеазиатских цехов..., стр. 325.

функцию — подкреплять своей магической силой трудовые усилия, которые при низком уровне техники и ручном труде далеко не всегда могли давать ожидаемый и всегда одинаковый результат. Чем меньше было у мастеров уверенности в успехе, тем большее место в их «технологии» занимали чисто магические приемы. Не были спокойны за результат своей работы, например, литейщики. Отливка производилась в мастерской раз в один—два месяца, ей предшествовала длительная подготовка, сразу отливалась крупная партия изделий, и если получался брак, то даром пропадали все расходы, весь труд. Поэтому в мастерские приглашались чтецы корана и молитв, которые должны были, пока шла отливка, непрерывно читать, сменяя друг друга, священные тексты, чтобы парализовать таким образом возможные вредные влияния (сглаз, колдовство) или отвести гнев патрона ремесла на случай, если кто-нибудь из участников вольно или невольно совершит что-либо, могущее оскорбить его. Иногда (например, в Бухаре), при этом ему приносили жертву — резали животное и готовили из него жертвенное кушанье.

Если в мужском ремесле вся эта производственная магия облакалась в «правовверную» исламизированную форму и исполнялась при участии мулл, то в таком чисто женском занятии, как обработка молочных продуктов, она выступает в гораздо более примитивной форме. По сообщению Е. М. Пещеревой, у горных таджиков при заквашивании молока¹ или сбивании масла² женщины совершали магический обряд, который должен был способствовать тому, чтобы масло или кислое молоко получилось хорошее, плотное. С этой целью трижды произносили слово «гишт» (кирпич), берясь за определенное место маслобойки и глядя на соседнюю гору, чтобы масла было много (гора).

Получая от патрона ремесла помощь, обеспечивающую доход, считали необходимым уделять в его пользу часть этого дохода, затрачивая ее на жертвенные трапезы—общественные, устраиваемые вскладчину всеми членами корпорации (арвохи пир), или личные, совершаемые в память патрона тем или иным ремесленником (ис чиқармак, бў баровардан).

По материалам М. С. Андреева, в Ванче при закладывании домницы для выплавки железной руды давали обещание выделить часть продукции в честь покровителя металлостов—пророка Давида (хазрати Доуд). Эта часть отдавалась первому попадавшемуся кузнецу, как представителю корпорации кузнецов и патрона ремесла. Кузнецы, рассчитывая на это, приходили к хозяевам домниц и требовали дара, говоря: «А где часть пророка Давида?»³

С той же целью таджики-земледельцы «в горах и на равнинах», собирая свой урожай, отделяли соответствующую часть, которая называлась «доля Деда-земледельца» (حق بابای دهمقان), и раздавали ее нищим.⁴

Под влиянием ислама «доля Деда-земледельца» во многих мес-

¹ Е. М. Пещерова, Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи. В кн. По Таджикистану, Ташкент, 1927, стр. 55.

² Е. М. Пещерова, Гончарное производство у горных таджиков, Изв. Среднеаз. географич. общ., т. XIX, Ташкент, 1929.

³ Анализ этого обряда см. Г. В. Григорьев, Архаические черты в производстве керамики горных таджиков, Изв. ГАИМК, т. X, в. Л., 1931, стр. 4.

⁴ М. С. Андреев, По поводу процесса образования среднеазиатских цехов..., стр. 324.

тах заменялась «долей аллаха» — «хаққулло», право взимать которую присвоило себе духовенство, превратившее ее в своего рода налог.

Вера в необходимость заручиться поддержкой патрона ремесла, обеспечить себе его постоянную помощь лежала и в основе обряда посвящения — акта, с одной стороны, вступления молодого мастера в корпорацию, а с другой — отдачи его под покровительство патрона. Разделявшееся всеми глубокое убеждение, что без этого покровительства рабства будет обречена на неудачу, было так крепко, что мало кто отваживался начать работать без посвящения. Страх перед ожидаемым наказанием со стороны патрона ремесла имел большое значение в поддержании внутренней дисциплины в цехе, он заставлял ученика безропотно подчиняться мастеру-учителю, работать на него бесплатно долгие годы, уже хорошо освоив всю технику ремесла. Если даже в более позднее время, когда эта идеология начала с упадком ремесла расшищаться, кто-нибудь и решался, под давлением необходимости, начать работать самостоятельно, не получив на это разрешения своего учителя, то это его настолько тревожило, что нередко вызывало нервное расстройство, от которого он избавлялся, только «исполнив свой долг», добившись прощения учителя и получив разрешительную молитву на самостоятельное занятие ремеслом (рассказ ювелира из г. Бухары).

Профессия была священна, и одним из непреложных предписаний профессиональной этики являлось уважение к труду — к нему относились с почтением и любовью, как бы тяжел, а порой и неприятен он ни был. Роптать на тяготы, проклинать свою долю не полагалось. Уважением пользовались орудия, мастерская, материалы — их нельзя было как-нибудь осквернить: сесть на них, взять их нечистыми, с точки зрения ритуала, руками.

Ремесло обычно было в роду наследственным. Занятие профессией отца рассматривалось не только с точки зрения меркантильной — это было в то же время моральной и религиозной обязанностью сына. Профессию отцов и дедов нельзя было «оставить на дороге». Заниматься ею было долгом перед духами предков, имевших ту же профессию. Это рассматривалось также как «служение» самому патрону ремесла. Служением считалось выполнение и трудовых процессов и профессионального культа.

Традиция наследственности в ремесле была еще очень сильна даже в начале XX в., хотя, конечно, она не могла быть не только в это время, но и гораздо раньше безусловной: к смене профессии всегда могла принудить материальная, экономическая необходимость, более могущественная, чем власть идеологии. Что феодальное ремесло было не только наследственным, свидетельствует наличие в нем института ученичества, составившего одну из форм средневековой феодальной эксплуатации, основу основ социальных отношений в ремесле. В наиболее развитых торгово-промышленных городах, каким была Бухара конца XIX — начала XX в., случаи отказа в поисках более выгодного занятия от наследственной профессии были очень часты. Однако все же даже в этот поздний период и даже в наиболее товарных ремеслах наследование профессии было не исключением, а скорее правилом. В менее развитом ремесле небольших захолустных городских центров ремесло, по материалам Е. М. Пещеревой,¹ даже к этому времени не вышло из рамок круга родственников и было только наследственным.

¹ Сообщено в докладе на Среднеазиатском археолого-этнографическом совещании в 1956 г.

Такой путь передачи ремесла со всем богатством накопленных в нем навыков не был, конечно, основан только на власти традиционных верований: дети ремесленника, с раннего детства вовлекавшиеся в работу отца, имели наилучшие возможности постигнуть все профессиональные секреты и технические приемы, скрывавшиеся нередко от посторонних учеников, но закреплению такого порядка передачи навыков в сильнейшей степени способствовали сложившиеся в ремесле суеверные представления. Было широко распространено поверие, что только профессия отца будет давать верный доход, будет «благословленной» (бабарака).¹

У таджиков даже существовала поговорка: «касми падар кунӣ, ба-рака ёби» — «станешь заниматься делом отца, получишь выгоду».²

Эта идея, прочно владевшая умами, удерживала подавляющее большинство от такого «опасного» шага, как перемена профессии — об этом свидетельствуют многие высказывания ремесленников и их автобиографические рассказы.

Так, один самаркандский ткач-узбек, специальностью которого была выработка грубых, дешевых бумажных тканей, жаловался, что он всю жизнь прожил в бедности — даже тот невысокий уровень жизни, который обеспечивали себе его соседи, ткачи высокосортной алачи, для него был недостижим. На вопрос, почему он не перешел на производство алачи, что ему, как опытному ткачу, было нетрудно, он ответил: «Боялся, сменив специальность своих предков на новую, потерять и то, что имею».

Рассказ, приводимый ниже, был записан также в Самарканде от ювелира-таджика. Происходя из семьи потомственных мастеров, он с ранних лет обучался ремеслу, сначала у деда, а потом у отца. Оставшись сиротой в очень малом возрасте, он не смог заниматься ювелирным ремеслом, так как оно требовало больших предварительных расходов; а кроме того его прельстило предложение дяди с материнской стороны, мясника, который обещал взять его к себе в обучение и в долю. Однако новая профессия, не требовавшая таких сложных навыков и считавшаяся очень доходной, не принесла юноше удачи; материальное положение семьи все ухудшалось. Поворот в судьбе юноши произвел «вещий» сон; он увидел во сне разгневанного деда, который занес над его головой свой рабский молоток, и отца, который отдал удар, обещав, что сын его вернется к своей наследственной профессии. Проснувшись, юноша решил исполнить «веле́ние духов предков». Дела у него пошли хорошо, и впоследствии он сделался одним из самых известных в Самарканде мастеров. Успех он относил за счет помощи ему духов предков и духа патрона наследственной профессии.

Обратив внимание на анализ своеобразных представлений, сложившихся в среде ремесленников, отметив, как мало в рисоля чисто производственных моментов, автор совсем не хочет сказать, что рисоля не имели никакой связи с производством и по мере превращения их скорее в амулет и молитвенник, чем в цеховой статут, теряли для производства всякое значение. Наоборот, именно в силу этого они приобретали особую власть и непререкаемость законов, установленных не человеком, а божеством.

Авторитетом религии они утверждали вечность и незыблемость всего цехового строя, всех технических приемов и правил, всего профес-

¹ Характерно, что этот термин приобрел значение «выгодный», «доходный» и в живом языке в своем прямом смысле не употребляется.

² Сообщение А. К. Писарчик.

сионального культа, его обрядности и связанного с ним круга идей. Эта идеология укрепляла незыблемость существующих порядков и обычаев, гарантировала прочность всего социального строя — и прежде всего системы социальных отношений в ремесле. Носителями и исполнителями профессиональных культов были в основном крепкие состоятельные мастера. Содержание многих известных нам рисоля не оставляет сомнений, в чьих интересах произведена обработка текстов: в них мы постоянно встречаем наставления ученику и халфа быть почтительными к своему хозяину, к тому, «кто имеет при себе рисоля», потому что патрон ремесла примет оскорбление мастера как оскорбление самому себе.

Традиционность продукции ремесла и технических приемов, стремление уравнивать положение мастеров регламентацией размеров их предприятий характерны и закономерны для феодального производства. Средневековой цех сложился как община, члены которой были сильны своим единством, дающим им силу противостоять постоянно тянувшейся к ним руке феодала. Поддержка этой традиционности, укрепление незыблемости всего, связанного с ремеслом, с профессией, в условиях Средней Азии должны были обладать особенной силой, так как здесь, вследствие отсутствия юридически оформленной крепостной зависимости, особое значение приобретало, с одной стороны, экономическое принуждение, а с другой — власть идей.

Как сильно воздействовали на жизнь ремесленников пережитки религиозного характера еще в начале XX в., показывает следующий факт. В годы первой империалистической войны китабский мастер Ахмаджон Турсунов, сын крупного предпринимателя — устокора, почти капиталиста, хотел купить у скупщика коконов, представителя какой-то русской фирмы, усовершенствованную сушилку для коконов, работавшую в Китабе уже несколько лет. Отец запретил это, считая, что таким образом сын изменит своей религии — «станет русским». Правда, сделавшись уже к этому времени самостоятельным владельцем мастерской, сын пошел на нарушение запрета, и сушилка была приобретена: интересы производства оказались сильнее власти традиции. Но это стоило большой борьбы, которая увенчалась успехом лишь вследствие того, что к указанному моменту начавшееся развитие капитализма, товарно-денежных отношений уже успело несколько расшатать крепость старых устоев. Вероятно, путем такой же борьбы проникали в ремесло и все те изменения, в которых выражалась его эволюция за период феодализма и которые в свое время также были новшествами. Всякое новшество принималось как нарушение традиций. Поэтому нововведения, будь то в области техники и художественного оформления изделий или в области организации производственного процесса и производственных отношений, вряд ли могли распространяться беспрепятственно — приведенный выше пример красноречиво подтверждает это предположение.

Сопротивление косной традиции всему новому было одной из причин, правда не основной (последняя лежала в сфере социальных отношений), застойности технического и социального прогресса, замедленности его темпов. Однако как ни была затруднена борьба между старым и новым в условиях феодального строя, новое все же так или иначе проникало в жизнь. Но даже в самой подвижной, быстрее и прежде всего развивающейся области — в производительных силах — это новое тормозилось, как мы видели, силой традиции даже накануне Великой Октябрьской революции.

Вероятно, именно в целях сделать новшества приемлемыми создавались все те добавления к основным мифам о происхождении ремесел,

в которых те или другие усовершенствования (например, введение в керамическое производство поливы) или изобретение новых видов продукции (например, более сложных видов тканей — бархата и т. п.) приписывались различным святым, имя которых должно было освятить нововведение.

Откуда же взялись описанные представления в развитом цеховом ремесле, достижения которого знаменовали собой итог длительного развития средневековой техники? Порождены ли они самим феодальным обществом или достались ему в наследство от прошлого?

Ответ на это дают сравнительные материалы, характеризующие профессии более архаичные и примитивные.

Если религиозные идеи, вера в божественное, сверхъестественное происхождение различных профессий были столь живы даже в развитом мужском ремесле, где требования экономики, приходившей нередко в противоречие с этими традиционными идеями, действовали особенно сильно, то в сфере женского быта, женских занятий многие из идей, лежащих в основе ремесленных культов, обнаруживаются с большей силой, в более архаической форме.

Большой интерес в этом отношении представляет собой производство женщинами крупных декоративных вышивок, которое было развито у некоторых групп населения Узбекистана и Таджикистана, преимущественно в среде горжан, жителей пригородов или крупных торгово-промышленных селений.

Как показало изучение этого вопроса на материалах г. Самарканда и других районов, вышивки имели в прошлом ритуальное значение, служа оберегами. Таково же было в прошлом и значение украшавшего эти вышивки орнамента.¹

Сравнение связанной с весьма архаическими обрядами и представлениями работы рисовальщиц узоров с вышиванием их, совершенно лишенным такой древней культовой оболочки, говорит о том, что генезис рисования и вышивания различен и разновременен. Это позволяет предположить, что когда-то узоры не вышивались, а только рисовались. Название вышивок — кашта, что значит «нарисованное», «наведенное», подкрепляет это предположение.

Искусство рисовальщицы передавалось исключительно по наследству по женской, хотя и не всегда по прямой, линии. Ремесло могло быть передано только одной приемнице. Самостоятельная работа для заработка начиналась после посвящения, разрешительной молитвы, которую получала молодая мастерица от старой. Обычно такая молитва-посвящение давалась перед смертью старой рисовальщицы. Если последняя оставалась жива, то, передав свое искусство, она сама отстранялась от работы, так как, по поверию, если в одном роду рисованием узоров будут заниматься двое, то дело не пойдет ни у одной — так или иначе которой-нибудь из них его придется бросить. Верили, что если кто-нибудь начнет рисовать узоры по заказу или за плату, не получив разрешительной молитвы, дух умершей рисовальщицы накажет за это тяжелой болезнью.

В записанной нами со слов старой рисовальщицы посвятительной молитве старая мастерица говорит посвящаемой: «После моей смерти занимайся этим делом ты. Мой дух (арвох) будет приходить и помогать тебе».²

¹ О. А. Сухарева, К истории развития самаркандской декоративной вышивки. «Литература и искусство Узбекистана», кн. шестая, 1937, стр. 122—125.

² О. А. Сухарева, К истории развития самаркандской декоративной вышивки, стр. 125—126.

Еще яснее эта идея преемственности, обеспечивающей помощью сверхъестественных сил, без которой человек был неуверен в результатах своей трудовой деятельности, выявляется в профессиях, связанных со старыми культами, — в знахарстве, повивальном деле, шаманской практике, одним из главных направлений которой было «лечение» болезней. Все эти «профессии» находились преимущественно в руках женщин, хотя некоторыми из них занимались иногда и мужчины.

Весьма архаические представления связывались с повивальным делом.¹ Оно наследовалось по женской линии. Никто не мог стать повитухой по своему желанию; верили, что ее избирают на «служение» духи-покровители этой профессии — «момо», давая знать об избрании болезнью. Если среди ближайших предков заболевшей повитухи не было, считали, что избравший дух — это дух какой-то давно умершей и забытой потомками повитухи из этого рода, дело которой «осталось на дороге» (т. е. которая в свое время не передала никому своей профессии) и которая теперь нашла себе преемницу, послав в знак этого болезнь. «Причину» болезни обычно «открывала» гадалка-шаманка, к которой обращались для выяснения причины заболевания.

В представлениях о духах момо обнаруживаются следы архаического культа женских предков, об этом свидетельствует и самое их название: момо — значит бабка. Это название всегда употреблялось во множественном числе, оно было собирательным именем ряда поколений женских предков такой семьи, в которой были повитухи. Во время родов повитуха призывала своих духов-покровительниц, зажигала для них светильники из ваты, пропитанной жиром, дым которых должен был служить для духов пищей. Прodelывая все это и принимая ребенка, она говорила: «Это не моя рука, а рука момо». Считалось, что если духи — момо не являются на роды, ребенок не сможет родиться. И задачей повитухи было не только помочь роженице и принять ребенка, но и обеспечить присутствие воображаемых духов, удовлетворить их совершением их культа и тем самым обеспечить благополучное продолжение рода.²

Такие же представления были связаны и со знахарством разного вида и происхождения. Одни знахари применяли некоторые средства народной медицины, также «подкрепляя» их анимистической практикой и магией, у других основой была последняя, а медицинский эффект мог получаться лишь благодаря психическому воздействию на больного.

Самую высшую ступень занимала профессия местных лекарей — «табиб». Она изучена очень мало; в частности, остается не известным, как она передается. По-видимому, ученичество не получило в ней развития, она переходила преимущественно — если не исключительно — от отца к сыну.³ Любопытно, что и табибы, совершая свои мани-

¹ Исследование этого вопроса на материалах Самарканда и Ура-Тюбе (у таджиков) вошло в остающуюся пока не изданную кандидатскую диссертацию автора «Пережитки анимизма у равнинных таджиков» (рукопись хранится в научном архиве Института истории и археологии АН УзССР).

² Краткие сведения об этих представлениях содержатся в статье автора «Мать и ребенок у таджиков» (Иран, III, Л., 1929, стр. 124, 128—129 и сл.).

³ Наличие на руках у населения, равно как и в книгохранилищах, значительного количества средневековых медицинских книг говорит о том, что традиции средневековой медицины здесь сохранялись. Однако обучение врачеванию могло происходить только в личном порядке: медицинские науки в медресе (как и ни в какой другой школе) не изучались. Медресе Дор-уль шифо (Дом излечения) в Бухаре представлял собой медресе обычного типа, где жили учащиеся. Его название понимается бухарцами-старожилами в чисто религиозном смысле.

пуляции, произносили ту же формулу, что и повивальные бабки и всевозможные знахарки: «Это сделали не мои руки, а руки мудреца Лукмана»¹ (Лукман-хаким считался патроном этой профессии). Эта формула показывает, что и табибы считали, что их искусство зависит от покровительствующего им духа патрона ремесла, который дает им силу излечивать болезни.

Гулюгиры и гулюбардоры (Самарканд) занимались лечением детских болезней. Многие детские болезни объясняли тем, что у ребенка в горле застряло что-нибудь из пищи — кожица от фруктов, косточка и др. «Вынимание» их было особой специальностью, которая передавалась по наследству из рода в род, в некоторых семьях по мужской, в других — по женской линии. Считалось, что гулюгиры действуют силой своих покровителей — духов их предков, занимавшихся этим делом. Гулюбардоры «лечили» детей от болезней горла — от ангины, дифтерита, ложного крупа.

По-видимому, все их лечение заключалось в выдавливании из миндалин гнойных пробок. Знахарство было исключительно наследственным. Считали, что только человек, которому помогают духи предков, может заниматься таким делом. Он действует не своей силой — формула «это не моя рука, а рука духов моих таких-то предков» была обычным приговором, произносимым в момент «лечения».

Иногда, в особенности после революции, многие более молодые представители таких семей не хотели заниматься знахарством. Но, как выразилась одна повитуха, «нарсд не позволял» отказываться от наследственной профессии: к ним настойчиво продолжали обращаться и не принимали никаких отговорок. Молодежь из таких семей, как и из семей лекарей—табибов, иной раз специально шла в медицинские учебные заведения, и во врачебной практике такого врача иной раз очень помогало доверие пациентов, которые считали, что у него «легкая рука», так как он занимается наследственным делом.

Одной из категорий знахарей были садкокчи. Они снимали сглаз, изгоняли, якобы силой своих незримых покровителей, злых духов, которым приписывались болезни. В арсенале их средств были такие приемы, как массаж, но главными были магические манипуляции с огнем, водой, курицей и т. п., сопровождаемые приговорами.

Силой избранного духа действовал и шаман или шаманка—бахши, фолбин, парихон. Без помощи своего покровителя они были не в состоянии «видеть судьбу» людей и оказывать влияние на духов, якобы причинивших болезнь.

И шаман, и знахарь мог быть в роду только один, так же как повивальная бабка и рисовальщица узоров. «Дар» переходил к преемнику только после смерти того, кто был его носителем раньше. Тогда «его духи-покровители начинали искать» себе нового служителя, давая знать о своем избрании болезнью. Как говорили, духи возлагали («бросали») на избранного ими человека «свою тяжесть»—«юк, бор». Это была тяжесть служения им, которую они возлагали на людей, чтобы получать через них жертвы, — без этого, по поверию, они не могли существовать.

Хотя в Средней Азии совершенно отсутствовали имевшиеся в Западной Европе и России представления об отдаче души черту и ожидающем за это возмездии за гробом, профессии такого рода считались

¹ Описание табибского лечения см. у С. Айни в романе «Дохунда» (перевод О. Эрберга, М., 1956, стр. 164—165).

очень опасными и тяжелыми. Нередко можно было слышать, что шаман или знахарь болеют или погибли из-за того, что они не смогли вынести (бардошта натонистан, кутара олмади) бремени служения, возложенного на них духами-покровителями.

«Избранники» неохотно принимали свое «избрание», нередко пытались ему сопротивляться. Однако жившие в народной среде представления сильно действовали на воображение. Глубокая вера в реальность избрания способствовала появлению или усилению нервных заболеваний, выражающихся в галлюцинациях, болезненных сновидениях, содержание которых подсказывалось распространенными в народе представлениями, иногда в нервной слепоте, параличе и т. п.

Болезни подвергался, естественно, прежде всего тот член семьи умершего знахаря или шамана, чья нервная система и психика были наименее устойчивы. Заболевая, он не видел иного выхода, как только принять на себя «бремя» служения наследственным духам.

Лишь впоследствии, привыкнув к своим новым обязанностям и положению, он начинал извлекать из них материальную выгоду, которую давало ему довольно щедрое вознаграждение за сеансы «лечения». Иногда, выздоравливая, такой человек отказывался от этой деятельности, приписывая свое выздоровление тому, что духи покинули его, иногда же имитировал болезненное, экзистическое состояние, не желая отказаться от выгод своей «профессии».

Избранник духов обязан был совершать их культ, который заключался как в приношении им жертвы (в том или ином виде), так и в выполнении своего «дела» — будь это обряд или какая-нибудь народная лечебная процедура. Это понимание «служения» духам является явным прототипом понимания ремесленниками своего занятия как служения патрону ремесла, о чем было сказано выше.

Избранник духов должен был уделять своим покровителям часть доходов, получаемых от непосланной ими профессии, причем, если в ремесле неисполнение этой обязанности грозило лишь материальным ущербом — тем, что ремесло перестанет быть выгодным, — то в знахарстве и шаманстве это считалось угрозой здоровью и даже жизни.

Требование совершения культа, принесения жертвы духам-покровителям понималось прямо, с первобытной грубостью: духи «требовали крови» (хун таяб мекунан), для них закалывалось животное, жизнь и кровь которого шла в уплату за жизнь и здоровье больного (джонга джон, конга кон). Их избранник обязан был обеспечивать своих покровителей необходимой им пищей. В некоторых местах (Самарканд) шаманка должна была время от времени на средства, получаемые ею от своей профессии, устраивать специальное ритуальное пиршество — «приглашение пари» (париталбон), во время которого закалывалось жертвенное животное — «выпускалась кровь» (хун меброран). Ее, как и дым от возжигаемых светильников и приготавливаемой пищи, поглощали духи, в то время как мясо съедалось приглашенными на пиршество гостями.

Изложенные здесь идеи находят себе отражение и в представлении народных масс о суфизме. Многие ишаны, приняв на себя функции шаманов и знахарей (дуохон), практиковали «отчитывание» больных, сеансы изгнания из них злых духов, якобы причинивших болезнь. Некоторые из таких дуохонов пользовались широкой славой. По поверию, записанному в г. Бухаре, у «сильных» (зур) ишанов и дуохонов также есть духи-покровители — муаккаль, силой которых они и действуют. Когда такой ишан умирает, его дух-покровитель ищет ему преемника в его

же роду, из числа его родственников; по выражению рассказчицы, он «пристает» (мечаспад) к ним. Многие при этом оказываются не в силах взять на себя бремя этой профессии, тяжело заболевают и иногда погибают.

Приведенные материалы свидетельствуют о наличии во всех этих весьма различных областях жизни узбеков и таджиков единой основы, единой концепции, которая прослеживается везде — начиная от восходящего к матриархату архаического культа женских предков, шаманства и знахарства, через рисование магических узоров, которые позже стали выполняться вышивкой и породили одну из самых замечательных отраслей народного декоративного искусства, и кончая развитым цеховым ремеслом и даже суфизмом.

В основном эта концепция сводится к трем положениям.

1. Всякая деятельность — трудовая или культовая — осуществляется с помощью сверхъестественных сил, участие которых и обеспечивает необходимый результат.

2. Покровительство сверхъестественных сил может быть получено по наследству или путем посвящения.

3. За свое покровительство эти силы получают право и на часть дохода.

Эти идеи сохранялись, вместе со многим другим, что было «завещано прошлым», не только века, но и тысячелетия. Они восходят к начальным формам религиозной идеологии, зародившимся еще в раннем родовом обществе. Их бытование поддерживалось бессилием людей в борьбе с природой и слабым развитием культуры, тормозившимся всем феодальным строем.